

Максим Суханов: «За талантом нужно ухаживать»

Марина БАЗЫЛЮК

Трудно найти более необычного артиста, чем Максим Суханов. Его яркая, неординарная внешность в сочетании с острым интеллектом приносит ему неизменный успех. Он точен и остроумен в беседе, которую мы начали очень просто.

— Как вы думаете, какова первая реакция людей, когда им говоришь ваше имя?

— Они, наверное, спрашивают: «А кто это?»

— Нет. Они говорят: «А, это «Страна глухих». Вы уже столько сделали в театре, а вас все еще помнят по роли в этом фильме...

— Да, иногда мне еще говорят: «А, «24 часа!»», хотя вы правы, «Страна глухих» вызвала большой резонанс. Просто фильм получился ко времени и, по-моему, был очень талантливо снят. Да и герой был странный, непохожий на образец общепризнанной нормы. Мне не обидно, что меня помнят чаще по «Стране...». Было бы обидно, если бы я много снимался, а мне бы все припоминали одну только эту роль. Но у меня еще недостаточно киноработ, чтобы можно было сравнивать. Был прокат по каналу «Культура» картины «Театральный роман», была «Богиня» Ренаты Литвиновой». Сейчас вот вышел Сталин.

— Я знаю, что вас долго уговаривали на эту роль.

— Да, я очень сопротивлялся. Мы много разговаривали с режиссером картины Андреем Эшпаем. И в какой-то момент, то ли он, то ли мы вместе нашли ход — решили уйти от стереотипа, который во всех засел, и эту фигуру очень сильно «одомашнить», показать Сталина (хотим мы или не хотим это признавать) человеком.

Сама фигура тирана, державшего огромную страну столь долгое время в таких рукавицах, заслуживает внимание, как любая харизматическая фигура. Но при этом я не могу сказать, что Сталин интересует меня настолько, чтобы я мог бы зачитываться его работами так, как зачитывался Ницше или Юнг.

— Как вас только не называют! Кроме «альцгеймерового упыря» и «новым русским актером», и «красивым интеллектуалом»...

— Я думаю, что это связано с внешностью. Такой контраст: «Надо же, с таким лицом, а еще разговаривает!». Меня, кстати, часто останавливает ГАИ, проверяет машину на колюще-режущие предметы. Я им говорю: «Я же артист, какие колюще-режущие?». А они мне: «Да, знаем-знаем, артисты тоже все возят». И в носки залезают, проверяют.

— Вас это не оскорбляет?

— Да нет.

— Почему вы работаете в театре так много лет только с Мирзоевым?

— Володя сторонник того, чтобы воля актера не была пассивной по отношению и к работе, и к режиссеру, и партнерам, и к этому произведению, которое мы создаем. Сложно, наверное, представить себе более демократичного режиссера. Если бы нам не было, что сказать друг другу или даже что скрывать друг от друга, и в наших театральных отношениях мы бы перестали чувствовать друг к другу интерес (а ведь именно такой интерес предполагает развитие творческих отношений), то тогда, конечно, наши отношения не были бы столь длительными.

Мне поступают предложения от других режиссеров. Но я пока не могу репетировать больше одной роли в год, полтора. Мне нужен большой период накопления перед следующей ролью.

Максим Суханов с женой, журналисткой Этери Чаландзия

— В кино вам тоже нужен период накопления?

— Нет, в кино можно позволить себе, я думаю, больше, чем одну роль в год. Там несколько другая концентрация всего того, что происходит. Но у меня все равно чаще не получается (смеется). В сериале «Дети Арбата» я снимался в мае этого года, а предыдущую картину закончил в августе прошлого года. Да, это очень редко. Я не избалован ролями в кино. И я выбираю, и режиссеры выбирают. Фильтрация с моей стороны обоснована, потому что она связана и с драматургией, и с личностью режиссера, и с той компанией, которая будет делать произведение. Режиссеры тоже думают. Я считаю, что это правильно. Нет необходимости сниматься для того, чтобы зарабатывать на этом деньги. Для меня вообще это перепекающиеся вещи — зарабатывание денег и искусство.

— А для многих актеров — наоборот...

— Я не знаю... Кто-то зарабатывает на сериалах — нет другого выхода, нужны деньги, кому-то просто нравится сниматься, ему кажется, что это никак не вредит его собственному «я», психике, душе. Я, допустим, когда была возможность выезжать с концертами, никогда этого не делал, потому что мне не нравилась и не нравится эта форма творчества — играть какие-то отрывки на сцене в каком-то концерте...

— В театре маститые коллеги не дают на вас своим авторитетом?

— Чем человек талантливее, тем он больше стремится искать равную позицию для общения, тем он меньше давит своим авторитетом. Когда я только пришел в театр, мне дали большую роль вместе с Юлией Константиновной Борисовой, Людмилой Васильевной Максаковой... Я не ощущал даже поколенческую разницу. Они приходили на репетиции и ни видом, ни поведением не сделали так, чтобы мне было некомфортно. Вообще в театре никто и никогда не дал мне понять, что он тут — ого-го-го, а вы тут еще и пи-пи не сделали. Что касается наших работ с Мирзоевым, то они кому-то очень нравятся, а кому-то не нравятся вообще.

— Вы можете описать своего зрителя?

— Я его себе представляю неравнодушным. И, конечно же, я думаю, что для него драматический театр не есть какое-то плоское развлечение, а все-таки нечто большее.

— Не секрет, что вам принадлежит закрытый клуб в центре города. А почему вы сделали его закрытым для посторонних? Чтобы было, где отдохнуть самому, или ваши друзья устали от внимания?

— Был, есть и всегда будет круг людей, которые на отдыхе хотят скрыться от посторонних глаз. Им это надо. И потом, когда мы открывали клуб, это совпало с трагедией — сторел ресторан в Доме актера, в котором все собирались. Вот мы и подумали, что надо сделать такое домашнее место, совершенно не пафосное, но при этом закрытое.

— За время нашей беседы вы не раз уже сказали: «все зависит от тебя». А как же судьба, предопределенность?

— Я верю в судьбу, но каждый из нас ежедневно делает свой выбор. До смерти — масса дорог. Судьба, наверное, в том, под какой звездой или под какой энергетической силой ты продолжаешь жить. Что она несет? Позитивную энергию или негативную? И если ты выбираешь что-то, что соотносится с этой энергией, то тебя продолжают оберегать ангелы-хранители или эта звезда. Если же ты совершаешь какой-то смертельный поступок по отношению к своей судьбе, или к своим высшим задачам, то она тебя поправляет. Более или менее жестоко, все зависит от поступка, от компромисса.

— Ваша профессия — это ваш выбор либо это случайность?

— Случайность. Так получилось, что не хотел идти в армию и пошел в Щукинское училище.

— Почему?

— Я всегда ощущал все то, что связано с муштрой, каким-то бесполезным времяпрепровождением.

— Можно ли как-то обезопасить себя от забвения при жизни? Столько актеров живы, и здоровы, и готовы работать, а не зовут...

— Я не думал об этом, потому что живу сегодняшним днем. Но считаю, что если ты продолжаешь быть интересен людям, которые с тобой работают, и людям, которые приходят на тебя смотреть, то ты будешь востребован, если нет, значит, нет. Понимаете, если у тебя есть дар или талант (а мне кажется, он есть у каждого), то его нельзя просто использовать. Его обязательно нужно подпитывать, за ним нужно ухаживать. Он не может расти просто так, как воткнутый кактус, расти независи-

мо от того, что там происходит с твоей душой, с поступками, компромиссами... Ты — это только почва, на которой ты должен растить талант дальше.

— А как можно ощутить — развивается талант, чахнет он или наступила стагнация?

— Все это, наверное, можно узнать из рецензий (смеется). Мне кажется, что я еще многое не умею, мне есть куда стремиться, пусть небольшими шажочками, но есть. Я лично равняюсь только на свое собственное самочувствие, на ностальгию по детству, на состояние, которое меня обуревало в те годы, я его в себе сейчас генерирую. На сцене у меня должны возникать такие же чувства, которые возникали в детстве. Потому что детские чувства психофизически очень подходят тому, чтобы в игре проживать все истинно и искренне.

— Ощущаете течение времени? Есть какие-то планы, какие-то дела, которые не реализуются, и это еще не сделано, и это, и это...

— Не могу так сказать. Все делается медленно, но верно, прищипывать что-либо я не люблю. Если делаешь что-то, к чему стремишься, то в конце концов оно у тебя получится.

— Такая уверенность в себе... Она была всегда?

— Я тоже анализировал — всегда ли я был так уверен в себе, и теперь я думаю, что она была с самого начала, то есть с того самого момента, как я себя помню.